

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

18+



Олег Мироненко

Племя людей

Повесть

Олег МIRONЕНКО

Племя людей

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Мироненко О.

Племя людей / О. Мироненко — «ЛитРес: Самиздат», 2019

0... 5... 10... 15... 20... 25... 30... 35... 40... 45... А что потом? Стал ли человек лучше за время отсчёта? Понял ли он что-нибудь? Судите сами...Содержит нецензурную брань.

Содержание

0.	5
5.	6
10.	8
15.	11
20.	14
25.	18
Конец ознакомительного фрагмента.	19

0.

...И был свет. И был мир, видимый и невидимый. И уже был Серёжа. И мир ждал его первого крика.

5.

...Крышка люка ржаво скрипнула над ним, и железные внутренности бывшей чудо-машины, лишённые привычной игры света и тени, растворились сами в себе. Снаружи раздался смех, потом звуки отдалились, какое-то время наполняли пространство то справа, то слева от него, потом умчались вперёд и затихли. Серёжа ждал. Вот сейчас злая шутка закончится, люк снова скрипнет, и он выберется наружу, в другой – привычный – мир. Но – нет: секунды падали вместе с капельками дождевой водички, просачивающейся сквозь незримые поры металла, и это были единственные оставшиеся звуки во всём мире. И пришёл страх – из темноты, из этих звуков, из ниоткуда. Про него забыли? Или нарочно оставили здесь, на свалке военной техники (он был сыном одного из приложивших руки к этой свалке человека, и слова «военная техника» имели для пятилетнего Серёжи вполне конкретное значение: иногда оно было связано с огнём и грохотом, а иногда просто с грудой металлолома, пригодной для игр – вот как сейчас). Однако, какая же это теперь игра? А может – это проверка со стороны его старших друзей? Тогда надо просто ещё немного подождать. И не трусить, ни в коем случае не трусить... Серёжа всхлипнул. Да-а, легко сказать! А вы вот попробуйте-ка не струсить, когда вас проглотило чудовище и не хочет выпускать. А хотя – почему не хочет-то? Может, как раз и хочет? Он потянулся руками к люку, из-под которого не пробивался ни один лучик света, к этому уже ощущаемому им провалу в темноте, больно ткнулся локтем об услужливо подставленную темнотой железяку и упёрся ладонями в крышку. Она не поддалась. Тогда он напряг всё своё тельце, но крышка всё равно не поддалась. Ни на чуть-чуть. Серёжа тихонько завыл, зашмыгал носом, заработал кулачками, преграждая путь слезам, а они всё лились и лились... А потом он отчаянно захотел в туалет – по-большому, забился куда-то в угол, снял штанишки и, ни о чём не думая, облегчился. И – действительно: стало легче. А потом очень сильно запахло. Невыносимо сильно. Тогда он зарыдал в голос и стал бить нежными ладошками в эту преграду между ним и другим – привычным – миром, который никогда так не пах. Когда ладошки засадили и удары стали отдаваться уже в голове, над ним вдруг явственно скрипнуло и на глаза легла полоска света. Он, ощущая в себе лишь гул и пустоту, упёрся головой в крышку и весь потянулся вверх... И люк пошёл – ровно настолько, чтобы он мог протиснуться наружу, обдирая живот, локти и колени. Выбравшись, он побежал домой, пытаясь обогнать надвигающиеся сумерки, ловко и не очень лавируя в нагромождениях того, чужого мира, внутри которого он только что был.

Потом выяснилось, что про него просто забыли. Так Серёже в первый раз в жизни пришлось выбираться из дерьма.

...В садике он подружился с девочкой, которую звали... Нет, пусть она будет просто девочкой. Они вместе играли, кушали и на тихом часе спали на соседних кроватях. Мальчишеский гонор, подстёгиваемый насмешками, ещё не проснулся в Серёже, и до поры до времени ему нравилась эта дружба. Но вот однажды, вместо того, чтобы быстро заснуть, девочка предложила ему показать писю, взамен на аналогичный показ с её стороны. Это потом уже Серёжа узнал, что девочки взрослеют быстрее мальчиков, а тогда он был не в курсе и согласился поиграть. Когда их застучала нянечка, видимо, к тому времени уже закончившая взрослеть и начавшая обратное движение, она, мало того, что сама долго прилюдно орала на них, так ещё и в подробностях пересказала затем увиденное и их родителям. Соответственно, ора стало ещё больше – о проблемах полового воспитания в том мире, где они жили, ходили лишь скабрезные слухи. Серёга нередко в ходе своей жизни вспоминал потом об этом непростом для него эпизоде, и ход его мыслей каждый раз был примерно одинаковым: «Ну как, как можно было забыть, что они всего на всего дети – любопытные и беспечные дети? Разве нельзя было спокойно им объяснить, что... ну, к примеру, что мальчики и девочки разные, и это хорошо,

но тут кроется тайна, которую они разгадают, когда вырастут». И, уже выросший Серёга, глядя вокруг себя, думал дальше: «А то мальчик у мальчика может видеть – пусть сравнивают, это нормально, а если вот наоборот ... Тогда сразу – языком по нервам, ремнём по попе. А теперь ходят вон косяками ладные да пригожие, и только членами друг у дружки и интересуются». Нет, он не стал гомосексуалистом. Но после той стремительно прекратившейся (после такой-то подставы) дружбы отношения с противоположным полом у Серёги стали складываться нервно, да и девственности он лишился поздновато.

Вот, собственно, и всё, что касается вопроса о сексуальном воспитании детей.

М-да.

10.

Школа в военном городке была ещё новая, кирпичная, трёхэтажная, добротная, сворачивающаяся в букву «П» и выворачивающаяся из неё далее хозяйственными помещениями. Главный вход венчала массивная двухстворчатая дверь, которую представители младших классов открывали не без хлопот. Выходила дверь, естественно, на парадную лестницу, которую каждое лето лениво штукатурили, а она также лениво, не теряя достоинства, осыпалась затем в период обильных дождей и снегопадов.

Серёжа начал ходить в эту школу регулярно – шесть раз в неделю – после очередного переезда семьи на новое место службы отца. Парты в классах были ещё единой конструкции, громоздкие, с неудобными скамьями и наклонными столами с отверстиями под чернилницы. Массовая замена мебели началась года через три, а пока... Пока и так было очень даже ничего.

Учился он хорошо – желание подкреплялось цепкой памятью. Родители в школе появлялись лишь планово, выслушивали, какой он молодец и спокойно продолжали заниматься своими делами, всё меньше интересуясь его. До поры до времени это себя вполне оправдывало.

В пятом классе Серёжа влюбился (а что? слово как слово) в отличницу Свету: начал лихо радочно вертеть головой на уроках, чтобы через парту, у окна, увидеть в зыбком свете февраля её всегда сосредоточенное личико, нередко с закушенной губкой, разглядеть и пресловутый непокорный локон, и испачканные пастой пальчики – как это всё было восхитительно, тревожно и нелепо! Наконец, томясь в вареве фантазий, вечно парализованный столкновениями с чужими глазами, он решил действовать. Дружок, Макс, был допущен к тайне, после чего, непонятно каким завихрением подчиняясь, заявил, что тоже влюблён в Светку (интересно, что Серёжа ощутил при этом лишь чувство гордости за свою избранницу). События начали развиваться стремительно, и к делу была привлечена их соседка по подъезду Танька, которая и взяла инициативу в свои руки, обещав завтра же узнать у Светки, кого та, в свою очередь, любит (ни больше, ни меньше). Так Серёжа дождался первой своей бессонной полуночи. Конечно же, он был романтиком. Это отнюдь не говорило о том, что в десять лет все из нас романтики – о, нет! Но он, вкупе с горячностью, желанием поскорее всё завершить (несмотря ни на что), и вообще, с непрактичным складом своей души, безусловно, им был. Ну да ладно.

В школу он пришёл невыспавшимся, и с некоторым даже равнодушием взирал на то, как в большую перемену Танька подбежала к Светке и куда-то её увела. Серёжа уже чувствовал, что всё происходит неправильно, что слишком много людей участвуют в событии, что... Прибежала Танька, довольная сопричастностью к любовному треугольнику, хотя и не она была его главной героиней, и сообщила, что Светка любит маму и папу, а остальных, стало быть, не любит. Серёже было всё равно. Когда на уроке он неосознанно наткнулся на Светкин взгляд, то мучительно покраснел, до выступившей на лице испарины, от внезапного стыда, хотя она и смотрела на него с улыбкой (в каждой маленькой девочке уже живёт женщина). Это был конец – после этого он до дрожи боялся даже взглянуть в её сторону. А через пару месяцев она уехала – военный городок, знаете ли.

Однако верный способ пощекотать себе нервы Серёжа уже нашёл, и, когда вскоре класс пополнился Надей, он немедленно влюбился в её золотые (или рыжие – как кому больше нравятся) локоны, не разглядев даже толком лица. Но тут всё разом пошло наперекосяк. Классный хулиган, не раз досаждавший ему списыванием, решил сам взять новенькую под свою опеку и, быстренько вычислив томные поползновения Серёжи, принял меры. Сам хулиган, памятуя о грядущих контрольных, вроде бы как остался в стороне, но вот два его дружка из параллели (тот класс вообще считался неблагополучным по поголовью отщепенцев, приходящихся на душу среднестатистического ученика) решительно вышли на первый план, и Серёжа был отловлен в раздевалке, получил под дых – сильно, а потом и прямой в челюсть – не сильно, но

очень обидно. В добавок ему было велено прекратить все шуры-муры с новенькой. Ох, как же ему было плохо после этой экзекуции! Как будто он снова оказался в том ржавом танке, снова в дерьме... Здравствуй, ещё одна бессонная полночь! И уже не хочется, чтобы утро поскорее наступало. Что же ему делать-то, а? Продолжать ухаживать за новенькой? Так ведь опять побьют. Какая уж тут любовь – страх один, а не любовь... Но ведь иначе выйдет, что он просто трусил – это он то, запоем глотавший Дюма и Джека Лондона! Нет, он кто угодно, но только не трус. Просто эта новенькая ему совсем не нравится – вот что. Лицо у неё какое-то... обычное слишком, что ли.

Мы рано начинаем обманывать себя, и быстро достигаем на этом поприще успеха. В первую очередь здесь отрабатывается умение находить изъяны в других, заостряя при этом как можно больше своё внимание на внешнем кипучем мире, дабы отвлечься от вредной привычки погружаться внутрь себя (психологи, кстати, очень это рекомендуют).

Серёжа записался в две секции разом – бокс и дзюдо, что было довольно глупо: нагрузки были приличные и там и там, он начал сильно уставать и иногда тревожно билось сердечко. Детворы было много, тренера частенько отсутствовали в то ли силу служебной необходимости, то ли энтузиазм в них начинал угасать, и тогда занятия сводились к беспорядочным свалкам и потасовкам. В них Серёжа окончательно уяснил для себя, что ни драться, ни бороться ему не интересно: в случае победы ему становилось жалко соперника, а в случае поражения – себя. Золотой серединой поэтому в поединках для него была ничья, и Серёжа подсознательно к ней и стремился. Естественно, что тренера, которых всё же охватывал иногда спортивный зуд, особо его не замечали, а полученных всё же сумбурных навыков ему ну никак не хватало, чтобы отражать дерзкие наскоки плохих ребят, периодически раздававшие ему зуботычины для порядка – гнев и праведная злоба наступали, когда экзекуция уже была проведена и он оставался один. Дошло до того, что ему велели стучать на других, по самым разным поводам. Конечно, он тут же мужественно решил, что доносить ни на кого не будет, и действительно, большей частью так оно и было, но иногда промолчать не удавалось, и тогда он городил небылицу на небылицу, окончательно топя какого-нибудь другого бедолагу, но себя он, конечно же, всегда убеждал, что сделал всё, чтобы выгородить того. В общем, он был хорошим мальчиком, а хорошие мальчики обычно не умеют ни сами постоять за себя, ни объединиться с другими такими же хорошими мальчиками для отпора плохим – чувство стадной безопасности у них атрофировано вследствие хороших бытовых условий.

Но он стойко продолжал реализовываться вовне: учёба, олимпиады, спорт, соревнования по футболу-баскетболу-пионерболу, актив школы, агитбригада...

И однажды у него зашлось-таки сердечко. Это было в кутерьме спортзала, когда слева в грудь вонзился шип и заставил его свернуться. Он кое-как с прижатыми к груди ладонями примостился на скамеечку; жизнь без боли, бурлящая вокруг, не обращала на него никакого внимания. Шип не давал вздохнуть. Мир вокруг раздвоился, размылся, преломился и стал чужой, далёкой и размытой, радугой. Он не испугался, нет – на это не было времени, он только по-детски недоумевал на происходящее. А потом боль ушла также внезапно, как и появилась. «Что же это было?» – не раз потом на разных стадиях существования задавал он себе вопрос. Кардиограмма у него всегда была в порядке. Что, оторвалась какая-нибудь бляшка в сосуде и перекрыла его? А потом сердце, приспособившееся-таки гнать кровь на пределе, справилось? И вовсе уж в онтологическом смысле – ему было вынесено предупреждение? Дан шанс? Любим мы задавать вопросы, на которых в этой жизни нельзя получить ответ...

А ощущение от присутствия сердца осталось после этого с ним навсегда. И тревожное ожидание чего-то внезапного. Ох уж страшное словечко «вдруг»...

А теперь немного забежим вперёд, чтобы завершить главу. Где-то года через два ему наконец повезло с тренером, и внимания со стороны последнего было вполне достаточным для того, чтобы Серёжу взяли в состав команды для показательных выступлений по рукопашному

бою, на 23-е февраля (мол, вот – смена растёт). Всё прошло на одном дыхании. В конце, как водится, надо было что-то ломать, и это были доски. Он бил последним – раз, два, три ... и застрял на последней доске (сучок там был, что ли...). Уже смолкла музыка, шоу закончилось, а он всё собирался духом для последнего удара. Наконец он заорал несколько громче, чем надо и... Есть! В вестибюле Дома культуры к нему, однако, подошёл памятный хулиган, небрежно процедил: «Ты, чё, не мог с первого удара сломать? Они же пиленные были – видно же...» В снизошедшем на Серёжу состоянии спокойной эйфории он только смотрел на обидчика и улыбался, не отвечая, и тот вдруг засуетился, что-то ещё пролепетал и быстро отошёл.

Внутри затрепетало тепло. Так он стал Серёгой.

15.

У него было восторженно-подобострастное отношение к красивым людям и вещам; подсознательно он полагал, что они принадлежат к какой-то другой стороне жизни, нежели обычные люди и предметы. Высоцкий вон пел: «В восторженность не верю...», а Серёга верил, хотя и считал, что это не про него, постоянно гримасничая при этом перед зеркалом и натягивая на себя один фальшивый образ за другим.

А сколько же вокруг было красивых людей! На первом месте в его иерархии, безусловно, царила учительница математики. Высокая, статная, с золотым отливом блондинка с внимательными синюющими глазами и добрым, немного усталым (что вы хотите от учительницы?) и очень милым, милым, милым лицом – царевна, одним словом. Нет! Королевна. Старше Серёги раза в два и, естественно, замужем. Впрочем, никаких прав на неё он, конечно же, и не собирался предъявлять, будь она хоть и двадцатилетней девушкой на выданье – кроме одного: в тайне боготворить её. И не было в этом ничего плотского... ну, или почти ничего. Во всяком случае, сравнивать это с подглядыванием за купающимися ночью разудалыми вожатыми в лагере было ну никак невозможно. Там – буйство гормонов, когда срочно надо было уединиться и снять напряжение (все мы прошли через это – чего уж там...), здесь – трепет рыцарства, поклонение идеалу, и ничего постыдного и грязного примешиваться к этому было не должно.

Реальные девчонки по Серёге тоже сохли – кто сказал, что хорошие мальчики не могут быть предметом мечтаний? Ему писали записки, предлагая дружбу и всё остальное по списку, он читал эти послания, хмурился и оставлял их без ответа. Ему было не до мирской суеты – служение идеалу требовало жертв. К тому же, служить бесплотной идее было гораздо проще, чем разбираться с тараканами в голове невесты что насочинявших себе девчонок. Ах вы, комплексы, комплексы...

К тому же, в пятнадцать лет на его взбудораженной юношеской душе поставил своё клеймо рок'н'ролл, и музыка стала его безошибочным проводником в абстрактный мир грёз и фантазий. Искусство должно в первую очередь волновать, чтобы делать нас живыми, и с той поры, когда с первого раза он запал на хнычущую вальжно-раздолбайскую гитару, ничто уже так не бередило его душу. Это стало его настоящей страстью, этой музыкой он хотел владеть. Японские кассеты стоили дороговато, а с учётом наценки барышников – так и просто дорого, и Серёга подрабился мыть полы в школе по вечерам за весьма умеренную плату, деля доход с предприимчивой администрацией школы. Мыл он их в течении полугода, до лета, болезненно перенося насмешки и борясь с постоянным желанием забить на эту ежедневную трёхчасовую экзекуцию. Характер у него с учётом переходного возраста ломался вместе с голосом, мытьё полов если и способствовало становлению, то незаметно для него самого и окружающих, и в отношениях с миром людей у Серёги постоянно что-то трещало. Родителей стали вызывать в школу, указывая на падение успеваемости, гриву волос и вызывающее поведение. В знак протеста он сжёг дневник, перестал делать уроки, а потом, после очередной свары с предками, остро скучавших по былой безмятежности, на три дня исчез из дома. Акция получила известность, поскольку дни и ночи он коротал в подвале, оборудованном в месте для посиделок старшеклассников, и все желающие могли выказать ему своё сочувствие, а заодно и подкормить. Три дня Серёга непрерывно слушал рок, треникал на гитаре, ел остатки с чужих столов, мёрз по ночам и тосковал по детству. Наконец он заболел, оглох на оба уха и очутился в госпитале, где было светло и тепло, после чего между ним и миром взрослых было заключено перемирие – он понял свою уязвимость, а они свою.

Выход из госпиталя стал для Серёги событием. Вдруг, на улице, у него защемило на вздохе в груди от хрустящей морозной свежести, и как тогда, в спортзале, мир стал чужим, хрупким и ломким, скрывающим за фасадом солнечного дня своего размытого радужного

двойника... «Невыносимая лёгкость бытия» – когда позже он слышал эти слова, он тут же мог видеть их в памяти.

К концу учебного года ситуация на фронте стабилизировалась, Серёга обзавёлся новым дневником, заполнять который, однако, категорически отказался, подстригся и в рваных джинсах в школу более не заявлялся. Взамен ему была куплена новая гитара и выделена ежемесячная надбавка на приобретение, естественно, кассет. У него, к тому же, в качестве необходимой добавки к имиджу романической личности, обозначился роман с Наташей, и месяц он регулярно ходил к ней в гости, познакомился с родителями, ел с ними уху и свободно забирали Наташку гулять. И, при всём при этом, чем дальше, тем больше Серёгин местечковый эгоизм вызывал у Наташки не слабый дискомфорт. Девушке в период осознания своей неповторимой женственности требуется особое внимание, а если постоянно чирикать ей о гениальности Ричи Блэкмора или Пола Маккартни, то ведь она может и послать всех гениев разом, в том числе и несостоявшихся. К тому же, Серёга никак не мог решиться её поцеловать. Он хотел, очень хотел и представлял себе этот поцелуй, когда оставался один, но потом, в самый ответственный момент, когда Наташка уже закрывала глаза, его губы становились деревянными, руки не слушались, и больше всего ему хотелось просто-напросто испариться из этой комнаты, подъезда, проулка. Ему никак не удавалось повзрослеть и успокоиться и, хотя он и осознавал некую задержку в развитии, поделаться с собой ничего не мог. Наконец, он решил, что Наташка не в его вкусе (ах, как пару лет спустя, когда он наконец-то преодолел эту проклятую робость, он сожалел об этом!), написал ей какую-то заумную записку с маловразумительными стихами и стал от неё бегать. Наташка сначала пыталась с ним поговорить, больше для порядка, а потом покрутила пальцем у виска и махнула рукой. Она была не просто красивой девчонкой, но ещё и большой умницей.

Теперь можно было спокойно рвать струны и изливаться в мрачноватых стихах о неразделённой любви. Впрочем, этот его самиздат пользовался определённой популярностью и, хотя голоса у него не было, но с наглостью тут было всё в порядке, и орал он самозабвенно. Девчонки строили глазки. Он, памятуя о былом провале, напускал на себя неприступный вид, деревенея при этом изнутри. Алкоголь проблему не решал: несколько раз он, пьянея, чувствовал некий подъём и вседозволенность, но, вместе с тем, ощущал и некую брезгливость к себе. У него открылся редкий дар видеть себя со стороны; оставалось лишь научиться иронизировать над собой. Как только это пришло, он тут же и расстался с девственностью. Но это было потом.

А пока он делал отчаянные попытки повзрослеть. Как-то у него дома загостился не очень приятный ему одноклассник – слушал музыку, что-то пытался выбрать, шутил, острил и, видимо не понимал, что был в тягость. Наконец он ушёл. Пришли родители, и почти сразу же Серёге была предъявлена претензия по поводу пропавших из стенки отложенных денег. Проанализировав ситуацию, Серёга быстренько вычислил хоряка и решил действовать по-взрослому. Он обратился за содействием к другу Гоше – боксёру и сорви-голове, который овладел навыками мордобития, беря уроки у солдата КМСника – уроки жёсткие, до кровавых соплей, но, вкупе с природными данными Гоши, оказавшимися очень эффективными. Для других дружба Серёги с Гошей выглядела несколько странной, да она такой и была, но до поры до времени они отлично ладили, пока как-то в одночасье разом не охладели друг к другу. Бывает – противоположности не только сходятся, но и разбегаются каждый к своим жизненным полюсам, это вам не голая физика. Итак, Гоша поддержал Серёгу во мнении, что гниду надо жёстко наказывать, и во время перекура за школой крысёныш (довольно наглый и здоровый, потому Серёга и обратился к Гоше), был сбит с ног, и, тяжёла дыша над ним, Серёга произнёс заготовленную фразу, разошедшуюся в народе: «Ты, сука, зачем эти деньги взял? Ты их заработал?» И пнул клептомана ногой в бок, а когда тот скорчился от боли, то ещё и ещё. Потом оказалось, что он зашиб тому почку. И никакого чувства стыда за неспортивное поведение Серёга при

этом и близко не испытал, а испытал лишь холодное довольство собой. Быть жестоким иногда очень приятно.

А вообще по большому счёту друзей у Серёги-то и не было. Отчасти, наверное, причина была в издержках коллективного воспитания, порождающих одиночек. Жизнь состоит из парадоксов, и человек наиболее одиноко ощущает себя в толпе. Некоторым со временем это ощущение начинает нравиться; к их числу принадлежал и Серёга. Вообще, уже в эти годы он пришёл к заключению, что люди делятся на самодостаточных и не очень и, естественно, приписал себя к первым. Душу изливать он действительно не любил кому бы то ни было. А время, размывающее грань между одиночеством и тоской, ещё было впереди...

Жизнь кипела – ещё бы ей не кипеть в таком возрасте. Страну корёжило, кости трещали, плоть трепетала. Однажды на систему образования, вlepившую ему «пару», обиделся Олежка, и это послужило поводом провести довольно не слабую акцию. Поздним вечером четыре шалопая исписали мелом серые стены школы суровыми изречениями из тогдашних газетных передовиц, типа: «Реформа пробуксовывает на учителе!» или «Нет плохих учеников – есть плохие учителя!» В процессе росписи Серёга чуть не звезданул на асфальт с карниза третьего этажа (попробуйте стереть!), а Олежка таки шлёпнулся, со второго этажа и на газон, но ногу подвернул. Риск того стоил. Наутро первые уроки были сорваны, шпана ликовала, учителя горестно качали головами. Историчка закатила Серёгиному классу внеочередную контрольную, а сама деликатно в это время грызла шоколадку и бомбардировала возбуждённых недорослей устоявшейся патетикой, вроде: «Тут всю душу им отдаёшь, а в ответ...». Серёге стыдно не было – ни тогда, ни после. Наверное, потому, что система образования всё-таки нуждалась в неформальной критике.

А потом было лето – последнее полноценное безмятежное лето, когда бардак в голове был ещё вполне уместен и простителен. Оно было жарким, и дикие пляжи лесной реки редко когда пустовали. Мошкара и оводы шли и шли в свои отчаянные смертельные атаки, часто бушевали грозы, кожа темнела, волосы выгорали. Серёга часто видел на пляже Наташку, которая охотно принимала ухаживания со стороны какого-то, на взгляд Серёги, конченного зануды, однако он не мог не обратить внимания, как заботливо этот зануда вытирает полотенцем привлекательные Наташкины части тела, как задумчиво склоняет голову, внимательно выслушивая её, и рассеянно поглаживает при этом чужие коленки. Наташка цвела. Серёга бесился, и даже был готов, как овод, устремиться в жалящую бессмысленную атаку, но передумал. Он понимал, что виноват во всём сам – что ж, оставалось лишь делать выводы. Серёга их сделал и быстро утешился.

А ещё был футбол. Их школьная команда выиграла отбор в районе и пробилась на область, и даже была близка выйти из зоны в финал. Серёга ловил кайф. Быстрый и в меру техничный, он находился в состоянии, когда реально «пёрло» и мяч не имел ничего против того, чтобы после его удара оказаться в воротах. На всю жизнь он запомнил то упоение, с каким проходили чудные финты, как догонял он мяч на бровке и ловко вырезал его метров на двадцать прямо на стриженную макушку Тимура, как падал вратарь, бросаясь в одну сторону, а мяч после одиннадцатиметрового лениво катился в другую... На пенальти эта сказка и закончилась. Они проигрывали сильному сопернику, и минут за пять до конца игры вражеский защитник сфолил в своей штрафной. Бить вызвался Серёга. И вдруг почувствовал мандраж: недвусмысленно напомнил о себе живот, и разом проступила тяжесть в усталых ногах. Отказаться? Н-ну уж н-нет, должно прокатить и на этот раз... Не вполне понимая, что делает, он неловко ковырнул мяч и проводил взглядом его полёт. Мимо. Они проиграли.

Лето закончилась. Жизнь продолжалась.

20.

– ... Ну, если подзанять, может и наскребём денюжат ... Главное, чтобы выгорело.

– Да как это может не выгореть-то, а? Спрос – с руками оторвут, только поставляй, мы и поставим – всё!

Костян начал заводиться. Пашка чесал нос. Серёга брэнчал на гитаре. Всё было как обычно.

– Ну? Действуем! Я организую транспорт, и... тут всё – на месте. Вы едете в Энск.

– Вдвоём? А если местные наедут?

– Начинается! Ну, чешите впятером – двое в грузовике, трое в тачке, страховка будет.

Пашок, долго репу ещё мять будешь?..

...План по затариванию баблом был вполне подходящий, в духе того времени. Брошенные государством советские люди испытывали сильнейший дефицит практически во всём, но, пожалуй, больше всего страдали от отсутствия туалетной бумаги, и начинали тихонько роптать. Газетами и книгами подтираться не хотел решительно никто – в силу противного чувства ностальгии вкупе с раздвинувшимися рамками самосознания. Костян, у которого на всё это был нюх (он единственный потом из команды далеко продвинулся на этом весёлом поприще «купи-продай», раз уж не вышло у него в силу объективных причин сделать карьеру по комсомольской линии), запустил процесс, и вот Серёга уже мчит с Пашкой в «Камазе» в Энск, чтобы забить под завязку прицеп дефицитом. Дорогу он любил – поездом ли, машиной ли – да хоть на телеге, лишь бы перед глазами менялась картинка, успокаивая душу бесконечной перспективой. Сказывалась ли в этом загадочность болезненной русской души? Возможно.

Загрузились они без проблем – можно было бы и ещё, да налики с ноликами закончились. Пашке приглянулась улыбчивая, с шальной поволокой глаз, бухгалтерша, и он, не скупясь на бойкие банальности, отводил душу перед обратной дорогой. Наконец двинули, уже почти в ночь. А когда ночь стала безликой реальностью, возникли и реальные проблемы – сначала в виде «гаишников», остановивших грузовик и долго выяснявших что, зачем и откуда, а потом, не успели они тронуться, как «ментов» уже сменили крепкие ребята, молодые и не очень, стриженные и нет, но все уверенно-наглые. Естественно, машина прикрытия куда-то запропастилась (а колесо спустило, блин, да ещё и ждать не велели – мол, скоро нагонят). Пашка – служивый, тёртый-перетёртый, тянул время, особо не прогибался, но и не хамил – не провоцировал. Серёга молчал и холодел изнутри – это была его первая настоящая разборка.

Наконец, со словами: «Ну вы, залётные, долго тупить-то ещё будете?» – противоборствующая сторона перешла тонкую грань между диалогом и прямым наездом. Липкий страх у Серёги вдруг исчез, накатило возбуждение, мир вокруг в режущем отсвете фар хрупко прорезался, чувства обострились до грани предвидения неизбежного... В ушах (никогда бы не поверил!) засвербила музыка. И почти сразу же, из прохладной безучастной ночи, послышался шум подъезжающей машины, тоже показавшийся музыкой. Силы сравнялись...

...Костян поднял стакан, взглянул на потрёпанных подельников, улыбнулся:

– Не горюй, черти! За удачу!

Серёга скривил разбитые губы, отхлебнул горькую, замычал.

– Как реализовывать-то будем? – прохрустел закуской Сашок, дёргая подбитым глазом.

– Не парься, всё на мази... Кликнем бабок, заберём паспорта под расчёт – пусть торгуют. С барыгами рыночными тож порядок – отстегнём и забудем. Наливай, соколики, гуляем сегодня!...

...Так у Серёги в первый в жизни появились реальные деньги; впрок они, однако же, не пошли. Стремительно наступило очередное лето, сами собой сдались экзамены в политехе, с помощью по большей части случайных друзей и подруг обшарены все значные заведения

города, а деньги всё не хотели заканчиваться, и даже после того, как Серёга съездил на побывку в городок и неделю поил всех знакомых появившимся импортным консервированным пивом, они ещё продолжали оставаться в изрядном количестве. Тут на горизонте появился Костян, и Серёга вошёл в памятное дело с мандаринами. Мандарины, как туалетную бумагу, складировать в подвале общаги не удалось – ремонт, и пришлось оставить их на какой-то левой базе, как выяснилось, пропадать. Два дня пекло, и, когда приехали за фруктами, оказалось, что их уже выбросили на улицу от греха подальше, где они и догнивали. Нет, конечно у Серёги при первом знакомстве с мандаринами были подозрения, что они не все окажутся на столах, но чтобы так... Тут же разнервничавшийся Костян поведал, что за товар им до конца не уплачено, и они все теперь, похоже, встряли на неслабые проценты кавказцам. Серёга поначалу всё воспринял легко (чёрт с ним, с деньгами, как пришли – так и ушли), но когда окна съёмной квартиры, где они думали отсидеться, обстреляли, а потом пропал Сашок (его нашли потом порезанного на куски в мусорке), стало по-настоящему стрёмно. Решили разбежаться; Серёга месяц жил у деда в деревне, пас коров на самом дальнем выгоне и всё ждал, что вот сейчас по грязной улице проедет диковинная здесь машина с тонировкой, вылезут несколько волосатых громил и направятся к облупившемуся крыльцу... И однажды машина действительно приехала, но за рулём сидел Димон, который поведал Серёге, что кавказцев повязали менты, и что, в принципе, можно и воскресать. «Ты-то как сам, Димыч?» – осведомился Серёга. Тот pokrутил челюстью. «Нормально. Семью сховал, а вот хату пришлось продать. Ладно, прорвёмся». Они здорово напились в этот вечер, поминая Саньку, потом куда-то пошли, набрали на девок, и Серёга смутно запомнил Димона с гранатой в руке, орущего что-то таким же пьяным и злым местным. Потом они пили с этими местными, жажнули лимонку в реку, ржали, плевали, плакали, дрались, братались... Утром с заляпанной гадостью душами тронулись в город.

... После этого Серёга, как это нередко случалось в его жизни, на какой-то срок близко сошёлся с Димычем, который подкупал его своим презрением к мелочам жизни. Изначально Серёга предположил, что это право Димон имеет, поскольку меньше других боится смерти (а что – у каждого свои таланты), но потом, уже на излёте их взаимоотношений, когда Димон успел развестись, бросить институт и единственной его целью стало любыми путями отмазаться от армии, Серёга решил, что тот просто раздолбай, да и трус к тому же. Что ж, категории суждений тоже имеют право быть. Впрочем, Серёга пытался применить их и к себе. Он-то – кто вообще? Да, кавказцев он испугался – значит, и он трус? А смерть – боится ли он её так, что на всё готов, лишь бы дальше существовать? В новомодных книгах часто говорилось, что вера даёт ответы на все вопросы. Серёга проштудировал появившуюся литературу по православию, буддизму, даосизму, синтоизму и вовремя понял, что становится начётчиком. Больше всего, однако, в голове у него тогда отложилась космогония буддизма, он едва не хлопал в ладоши, когда читал дельно, без зауми написанный трактат о привязанности к мирской суете, деградации души, карме и воздаянию по заслугам. «Восьмеричный путь» Серёга тоже одобрил, но вот следовать ему в одиночку никак не получалось – наверное, карма подкачала. Поняв, что просветления в этой жизни ему скорее всего не видать, Серёга успокоился, перестал голодать и начал мучиться от желаний с едва ли не большей силой (потом, когда его привлекло уже христианство, он поразился тому, насколько же оно переплетается с восточной религией... Впрочем, до веры в живого Бога ему тогда было также далеко, как и до просветления). Ну, до достоевщины не дошло – и то ладно.

В отношениях с противоположным полом у Серёги установился стабильный месячный цикл: вино, знакомство, обжимания, гуляния, скандалы, расставания. Светлым пятном в этой круговерти на какое-то (да что ты будешь делать!) время стала Оленька. Подруга девушки дружка, она решительно и очень по-женски положила глаз на Серёгу, с далеко идущими намерениями. Оленька стала частым гостем у них в общежитии, предпринимая недюжинные усилия свести к минимуму их вечный мужской бедлам, пока его кореша, из мужской солидарно-

сти тут же рассасывающиеся кто куда по её приходу, не стали открыто ворчать. Даже не слабая Оленькина стряпня была признана в итоге фактором наглого вторжения, не говоря уже о новой скатерти и чистой посуде. Серёга не раз пытался мягко убедить Оленьку, что это всё лишнее в их холостяцком быте, для которого достаточно было и еженедельных дерзновенных попыток вынести мусор; Оленька выслушивала его, потом спрашивала, стреляя синевой: «Тебе это неприятно?» Да нет, ему было приятно; ему нравилась Оленька, небольшого росточка, ладная, очень уютная и терпеливая. Но какая-то сила внутри него сопротивлялась развитию их отношений, не давая заглянуть ей в глаза и сказать то, что, Серёга знал, она очень ждала: «Олька, чёрт с ней, с этой общагой, давай-ка вместе куда-нибудь переберёмся, а?» Ничего особенного в этой силе, конечно, не было – это был просто страх перед отказом от привычных маленьких радостей жизни, густо сдобренный эгоизмом. Оленька ждала – как выяснилась, свадьбы подруги, на которую она была приглашена свидетельницей, а он – очевидно, вследствие этого – свидетелем. Жених жил в большом частном доме, где и был организован мальчишник под жёстким присмотром старшего поколения. Серёгу попросили не перегружать организм ввиду завтрашних торжеств, и он решил быть пайнкой. Всё прошло степенно – разошлись рано, надеясь отыграться в последующем. Утром Серёга с женихом мылись в бане, жених брился опасной отцовской бритвой – то ли у него ритуал был такой, то ли мозги с утра ещё плохо работали, и отчаянно боялся порезаться. Обошлось. Свидетелем, к тому же трезвым, Серёга оказался не важнецким – фиглярничать, работая на публику, он не умел, да и не хотел, но художественно со своими обязанностями в ритуальных игрищах справился, тем более, что помощников хватало. Оленька держалась куда естественнее, отчаянно билась за невесту и казалось, примеряла роль последней и на себя. Серёгу всё это вдруг стало напрягать, и он зашептал про себя фразу незабвенного Кисы Воробьянинова: «Ничего, водки выпью – развеселюсь...» Наконец отзвучал марш, и все рванули из ЗАГСа, чтобы побыстрее усесться за столы. Началась настоящая работа. Жених постоянно толкал Серёгу в бок, чтобы тот подливал ему водку в шампанское, потом всем загорелось чокнуться с молодыми, но на то там и был посажен Серёга. Он проглатывал рюмку за рюмкой и, вдруг отчаянно заскучав по Оленьке, предложил ей сбежать во время совместного танца, но она только улыбнулась и шепнула ему: «Рано, нельзя нам... Ты только держись, ладно?» И он держался, сколько было ему отпущено природой. Проснулся он почему-то не с Оленькой на отведённой им кровати, а в бане. Круг замкнулся.

Обратно они ехали в переполненной машине, и Оленька сидела у него на коленях. Сквозь розовые очки похмелья он видел, какая она свежая и готовая к жизни, хотя и с поперечной складочкой на лбу и очень задумчивая. «Оля... Олюшка...», – зашептал он ей на ухо. – «Ты... ты прости меня. В следующий раз всё будет по-другому». Она взъерошила ему волосы: «Шалопай». Потом добавила: «Хорошо хоть, надрыва в тебе нет... Корочка легко отпадёт». Он ничего тогда не понял. Но виделись они после этого только случайно. Что-то там отпало.

С барыжничеством Серёга не завязывал – так, суетился по-мелкому, – хотя уже знал, что это совсем не его стезя. Страна проходила стадию урывания, отжимания, обнагления, опошления – и при виде каждого нового выбитого кусочка мозаики из прежнего уклада жизни на душе становилось всё гаже и гаже. Он начал попивать, хотя спорт ещё крепко довлел над ним. С профессией тоже вышла промашка – математику, как выяснилось, он любил лишь как отвлечённую абстракцию, перед физикой снимал шляпу за её достижения в области звукозаписи, а на остальные достижения технического прогресса ему было в общем-то наплевать. Рассеянные у него, оказывается, были мозги, гуманитарные... Совсем для другого ВУЗа. Ну, что уж тут теперь было поделывать-то. Получив в конце концов на руки свободный диплом вкупе с погонами лейтенанта-пиджака, словно знаки подтверждения на его неотъемлемое внутреннее право на любое последующее самоопределение, он, устав от суеты, отбыл обратно в городок, с энным количеством денег в джинсовых карманах и полным нежеланием как-то обустроиваться в этой мутной жизни.

Малая родина встретила его, однако, радушно – шалопаям без надрыва везде рады. Деньги были вложены в электрогитары, усилители и колонки, и на базе местного дома культуры нарисовалась вечно полупьяная группа «Илья и компания», во главе с вышеупомянутым Илюхой, гитаристом и рубахой-парнем от бога, но с предательской меланхолией в глазах, за которой скрывалось наплевательское отношение и к божьему дару, и к козням чёрта. Серёга стал идейным вдохновителем проекта, активно строча загадочные вирши и подсовывая Илюхе витиеватое нагромождение аккордов, из чего тот легко сооружал вполне удобоваримые мелодии. Репетиции проходили легко, в окружении созревших для поцелуев малолеток, и иногда заканчивались драками с перезревшими для романтики мрачными юнцами призывного возраста. Криминал просто-таки гулял под боком, но им везло – заявлений на них не писали, а менты в это новое время даже с пониманием относились к местечковым героям рок'н'ролла, орущих по вечерам со сцены: «Эх, бля, Родина – сколько душ угроблено!» Мать, терпеливо дождавшаяся момента, когда у него наконец-то закончились деньги, предложила ему на выбор две профессии – военного и милиционера, но Серёга только криво усмехнулся и ещё какое-то время жил непонятно на что, попивая самогон и покуривая травку. Отношения в семье, осененные ужасом уголовно наказуемых деяний, переросли в бесконечную склоку, и Серёга перебрался жить в военное общежитие, постоянно умудряясь просачиваться сквозь контроль на вахте (впрочем, через какое-то время это стало большой проблемой – его запомнили и решили обидеться). Долги росли, гулянки продолжались. Однажды собрались у кого-то там на квартире, поорали под гитару, а потом он долго говорил о жизни с Грином, молодым лейтенантом, уже обзаведшимся молодой женой, вертевшейся тут же. Утром Серёга проснулся от эротических ощущений в мошонке и, продрав глаза, убедился, что молодая жена Грина делает ему минет, лукаво поглядывая на него с непрекрытым блядством. «Серёженька, ты быстро кончаешь?» – мурлыкала она, а когда он с рычанием отпихнул её, отвесив пощёчину, забилась в угол и заплакала. На другой день, окончательно протрезвев, Серёга направился на приём к начальнику районной милиции. К его удивлению, приняли его там благосклонно, с пониманием отнесясь к неизбежным грехам молодости...

25.

– ...Ну чё, Василич, вздрогнули!

Сергей послушно поднял стакан. Пить уже не хотелось, но водка исправно разливалась на троих. Они сидели в райотделе спаянной опергруппой – реагировали, стало быть, на оперативную обстановку в районе. Кроме Сергея, которого, несмотря на молодость, уже величали «Василичем» за серьёзный вид и грамотное раздолбайство, спиртное делилось между опером Юрой и экспертом Володей. Володя пил и вздыхал. Он недавно женился, и вдруг быстро осознал, что женился не на той, и теперь рвал себя на части между супругой и любовницей, которая хоть и давала ему исправно, но прощать женитьбу не собиралась и мстила, как могла. Жена, естественно, была в курсе этого геометрического противостояния, баба она была упёртая, отдавать мужика даже и не думала и воевала за него звонко и с азартом: битьё посуды и дикий ор стали неизменной частью её программы по перевоспитанию «кобеля охреневшего».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.